

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР АЛЯ АЛЬ-АСУАНИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

В последние годы появление на российском книжном рынке переводов современной, как, впрочем, и средневековой, славящейся памятниками всемирного значения, арабской художественной литературы стало событием крайне редким.

Созданная до начала 90-х гг. прошлого столетия усилиями нескольких поколений советских арабистов библиотека русских переводов современной арабской прозы и поэзии практически не пополняется. Хотя хорошо известно, что интерес к культуре Арабского Востока, возникший в России еще во времена Петра и Екатерины II, вошел в традицию и принес свои прекрасные плоды и в русской литературе, и в русской музыке.

Сейчас же, несмотря на развивающиеся торговые и экономические связи с арабскими странами, на поток туристов, облюбовавших арабские курорты в качестве места проведения отдыха, интерес к арабской литературе - самому верному, надежному и к тому же доставляющему эстетическое удовольствие - источнику знаний о жизни, обычаях, нравах, культуре народов арабских стран - похуже, почти утрачен.

Мне известны (если я чего-то не пропустила) только два произведения современной арабской прозы, переведенные на русский язык и изданные (за счет переводчиков и очень малым тиражом) в Москве за последние 15 лет, - это повести «Под сенью святынь» писателя из Саудовской Аравии Хамзы Богари (пер. Муртазо Сайдумарова, 2006) и «Аист» сирийца Халима Бараката (пер. Рузанны Псху, 2007). Между тем, арабская проза и поэзия, очень интенсивно развивавшиеся в XX в., в настоящее время стали неотъемлемой частью мировой литературы и богаты именами и талантами, могущими соперничать с самыми известными

В.Н. КИРПИЧЕНКО

Доктор филологических наук

писателями и поэтами любой другой страны.

Хочется надеяться, что сделанный Викторией Зарытовской и изданный в 2008 г. «Центром гуманитарного сотрудничества» перевод романа египетского прозаика Аля аль-Асуани «Дом Якобьяна» (2002) привлечет внимание российских читателей. Обнадеживает сам тираж - 5 тыс. экземпляров, своего рода рекорд для наших дней, позволяющий познакомиться с этим великолепным образцом современной арабской литературы более широкому кругу россиян. Можно поздравить молодое издательство и с выходом в свет романа нобелевского лауреата, классика египетской литературы, Нагиба Махфуза «Торжество Возвышенного» (также в переводе В.Зарытовской).

В самом Египте «Дом Якобьяна» имел шумный, можно даже сказать, ажиотажный, успех и сразу принес широкую извест-

ность молодому автору - в том же 2002 г. роман выдержал 6 переизданий, был экранизирован и переведен на английский (отделом публикаций Американского университета в Каире), а затем и на французский язык (во Франции за год было продано 160 тыс. экз.).

Аля аль-Асуани родился в Каире в 1957 г., по профессии врач-стоматолог. Учился сначала в Египте, а затем в США. Приобрести надежную, «могущую прокормить» специальность посоветовал ему отец, известный египетский прозаик Абд аль-Ваххаб аль-Асуани. До романа «Дом Якобьяна» Аля аль-Асуани опубликовал два сборника рассказов «Подожел поближе и увидел» (1989) и «Общество ожидающих вождя» (1998).

Успеху романа способствовало важное обстоятельство - он отвечал ожиданиям той, большей, части читающей публики, которую не удовлетворял преобладавший в творчестве молодых египетских авторов 1990-х гг. интроспективный роман типа «рассказа о себе», отображающий духовную трагедию египетского интеллигента «в мире рухнувших ценностей». Со стороны многих литераторов и критиков все чаще слышались заявления о том, что египетская литература нуждается в возврате к реализму - в смысле обращения к проблемам, бедам и горестям всего общества, в возврате к более простой (но не за счет снижения художественного уровня), доступной пониманию рядового читателя манере письма.

Аля аль-Асуани как раз и создает панорамный образ общества, его социальный срез, повторяя композиционный прием единства места действия, использованный классиком египетского романа Нагибом Махфузом еще в 1968 г. в романе «Пансион «Мирамар». Махфуз поселяет своих персона-

жей в одном из пансионатов в Александрии, аль-Асуани - в одном, действительно существующем доме в центре Каира.

Разница между двумя романами в том, что Махфуз изображал египетское общество, расколотое революцией 1952 г. И у него каждый персонаж сам, с субъективной точки зрения, рассказывал свою историю и излагал свою общественно-политическую позицию; писатель тогда еще не утратил надежды найти ту силу, которая была бы способна повести общество по пути в лучшее будущее. А. аль-Асуани имеет дело с уже устоявшимся обществом, и в роли рассказчика драматических историй персонажей выступает всезнающий автор, задача которого - отобразить сложившуюся в этом обществе систему отношений и нравственных норм, которая становится преградой на пути осуществления надежд его молодых членов, толкает их на выбор «радикальных» вариантов поведения.

Вольно или невольно, но А. аль-Асуани заставляет своим романом вспомнить и две очень популярные в 50-х гг. прошлого века пьесы известного драматурга Нуамана Ашура «Люди, живущие внизу» (в ней отчетливо звучали мотивы пьесы Горького «На дне») и «Люди, живущие наверху». Молодые герои Н. Ашура выходили тогда из подвала навстречу новой, светлой жизни, а «живущие наверху» аристократы лишались своих титулов и привилегий.

У А. аль-Асуани «верх» и «низ» поменялись местами, но по-прежнему служат знаком социального расслоения общества. В самом здании, в больших комфортабельных квартирах обитают люди состоятельные: Заки ад-Дасуки, пожилой аристократ, бонвиван, любитель вина и женщин, живущий на капиталы, унаследованные от отца, бывшего министра; известный журналист Хатим Рашид, гомосексуалист, принуждающий к сожительству добродушного великана-нубийца Абд Раббо, несмотря на то, что тот любит свою жену и маленького сына; торговец Мухаммед Аззам, нувориш, баллотирующийся в парламент и прикрывающий показной религиозностью свои сексуальные грехи и торговлю

наркотиками. Наверху же, на крыше дома, ютятся в каморках, сколоченных из подручных материалов, люди, принадлежащие к низшим слоям общества: Таха аш-Шазили, сын привратника в доме Якобяна, добропорядочный юноша, успешно окончивший среднюю школу и мечтающий поступить в полицейскую академию; красивая девушка Бусейна, считающаяся невестой Тахи, но вынужденная после смерти отца искать работу, чтобы помочь семье, и другие - в большинстве своем обслуживающие хозяев квартир.

Персонажи, живущие как «внизу», так и «наверху», не слишком-то интересуются политикой - разве что Мухаммад Аззам, и то из чисто корыстных побуждений. Каждый озабочен устройством или своей судьбой, или своих делишек. Перипетии их драматических или трагических историй разворачиваются параллельно, иногда пересекаясь, финал же всегда обусловлен как характером и психологией персонажа, так и общественными условиями. Притом, что каждая история по-своему показательна, главный смысловой акцент романа заключен в судьбах молодых героев, Бусейны и Тахи. Их пути расходятся. Бусейна убеждается, что единственный способ для красивой девушки обеспечить свое будущее - это подороже продать себя, а Таха, не принятый в полицейскую академию из-за своего «низкого» социального статуса, движимый желанием отомстить за пережитое им унижение, шаг за шагом втягивается в деятельность мусульманской фундаменталистской организации и становится террористом.

Если вновь обратиться к литературе 50-х гг. прошлого века и сравнить образ Тахи аш-Шазили с молодыми персонажами одного из популярнейших в то время романов Иксана Абд аль-Куддуса «В нашем доме мужчина» (1958), также совершающими террористический акт, то мотивация их поступков окажется совершенно разной. Герои И. Абд аль-Куддуса - патриоты-романтики, готовые отдать жизнь за независимость родины.

Обнажение социальных корней терроризма в сегодняшнем

Египте можно считать новым явлением в египетской литературе, в немалой степени обеспечившим роману «Дом Якобяна» читательский успех.

Вместе с тем, известную роль в поднявшемся вокруг этого романа шуме сыграла и натуралистичность манеры письма автора. В издательство, опубликовавшее роман, поступали письма от читателей, протестующих против «злоупотребления» автором сексуальными сценами.

Еще одна важная составляющая успеха романа - его жанровое сходство с сериалами, демонстрируемыми по египетскому телевидению: ярко и лаконично выписанные характеры, быстро чередующиеся, обрывающиеся в неожиданный момент эпизоды, наличие интриги в истории каждого персонажа - все это удерживает внимание читателя, заставляет его не отрываться от книги до самого конца.

Роман «Дом Якобяна» наметил в египетской литературе тенденцию возврата к роману действия, главное в котором не исследование состояния души разочарованного, отчужденного героя, а фабула и характеры действующих лиц. В условиях мощного давления эстетики массовой культуры и коммерциализации издательского дела происходит известная беллетризация серьезного романа. Тем не менее, романисты пытаются совместить требование «продаваемости» своих произведений с верностью своему пониманию общественной функции и эстетической ценности литературы.

Не меньший интерес вызвал и второй роман Аля аль-Асуани «Чикаго» (2006), в котором автор, на основе собственных впечатлений, описывает жизнь египетской диаспоры в Америке. Первый тираж разошелся в Египте за пять дней, в течение года вышло еще восемь изданий. «Сериальным» построением и стилем письма «Чикаго» похож на «Дом Якобяна». Но, как заметил один египетский рецензент, «удовольствие от чтения романа искупает все его недостатки». За роман «Чикаго» А. аль-Асуани получил в марте 2008 г. в Вене премию Бруно Крайского, присуждаемую за деятельность в сфере защиты прав человека.